

ВАДИМ ОЛЕГОВИЧ ЗВЕРЕВ

доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры
психологии и педагогики в деятельности органов внутрен-
них дел

Омская академия МВД России

(Омск, Российская Федерация)

zverevoma@mail.ru

НЕМЕЦКИЙ ШПИОНАЖ И БОРЬБА С НИМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ (по документам военной контрразведки)

А н н о т а ц и я . Рассмотрены отдельные аспекты организации немецкого шпионажа в Великом княжестве Финляндском (1915–1916 годы). Обосновывается гипотеза о несущественной роли шведского участия в разведывательных планах Германии. Привлечение неопубликованных документов из российских архивохранилищ позволяет детализировать уже имеющиеся в финляндской и отечественной историографии представления о немецко-шведском шпионаже. Делается вывод о наличии ряда оснований, затруднявших эффективную борьбу контрразведки Северного фронта с немецкой агентурой в Финляндии. К наиболее серьезным препятствиям можно отнести принудительную реорганизацию органов финляндской полиции (их обновление за счет радикально настроенных национальных кадров), отсутствие реальных агентурных возможностей у контрразведки 6-й армии, использование большинства секретных сотрудников контрразведывательного отделения по финляндскому району не по назначению (для отслеживания революционных настроений на Балтийском флоте). Анализ указанных факторов позволил прийти к заключению о неспособности военных и политических специальных служб предвидеть и предупредить возникшие трудности в борьбе с более опытным и прагматичным противником, нанести ему адекватный контрудар.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великое княжество Финляндское, немецкий шпионаж, шведский шпионаж, жандармская полиция, военная контрразведка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зверев В. О. Немецкий шпионаж и борьба с ним в Великом княжестве Финляндском (по документам военной контрразведки) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 31–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.729

ВВЕДЕНИЕ

Полагаем, история противостояния иностранных и российских спецслужб никогда не будет прочитана до конца. Спустя десятилетия и даже столетия исследователи могут лишь приоткрыть завесу тайны и, завершая изложение своих мыслей, поставить многоточие. Именно недосказанность и потребность в новых знаниях будоражат пытливые умы ученых, подвигая их к научным исканиям.

Актуальность изучения истории военного и морского шпионажа, а также противодействия ему силами контрразведывательных органов в Финляндии периода Первой мировой войны обусловлена обнаруженными в отечественных архивохранилищах неопубликованными документами. Речь идет об обширной и содержательной контрразведывательной переписке (1910–1916 годы). Ее участниками были Особый отдел Департамента полиции, морской атташе России в Швеции, начальник Моргенштаба Мор-

ского министерства России, главнокомандующий армиями Северного фронта и др. Особую ценность представляют материалы армейской и фронтовой контрразведки по финляндскому району за 1915–1916 годы (доклады, сводки агентурных сведений, списки секретных сотрудников, регистрационные листы на заподозренных в шпионаже лиц). Интерпретация названных документов позволит внести некоторые коррективы в уже сложившееся в историографии мнение о специфике немецкого шпионажа в Великом княжестве Финляндском (ВКФ) и, вероятнее всего, создать предпосылки для переосмысления самой идеи возможности полной победы царской контрразведки на «финляндском фронте незримой войны».

***

Ввиду неудавшейся к началу XX века политики унификации Великого княжества Финляндского (постепенная ликвидация автономии, эко-

номическая и военно-политическая интеграция в состав Российской империи, упразднение местного законодательства и др.) его территория стремительно превращалась в неподконтрольное Санкт-Петербургу «государство в государстве» или «мятежное государство». Радикализация некоторой части финляндского населения повлекла покушение на жизнь генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова (3 июня 1904 года, г. Гельсингфорс), а в будущем последовали еще одиннадцать терактов¹. В результате состоявшегося 24 октября 1905 года вооруженного выступления политическая обстановка в княжестве еще более накалилась. «Сенат был свергнут... чины полиции и жандармы обезоружены и арестованы...», констатировал в своей «Записке о политическом положении в Финляндии» от 21 августа 1909 года заведующий Особым отделом Департамента полиции МВД России (далее – Департамент полиции) полковник Е. К. Климович².

Рост национальной идентичности финнов и их борьбы за независимость от «российской узурпации», с одной стороны, стимулировались революционными волнениями в Петрограде (внутреннее воздействие), с другой – попытками тайного политического влияния со стороны Германии (внешнее воздействие). В конце 1914 года немецкие дипломатические и военные круги приступили «к прямой подготовке вооруженных беспорядков в княжестве» [5: 74], вследствие чего в январе следующего года представитель германского военного ведомства Г. Фестенберг закупил 10 тыс. винтовок и боеприпасов. Оружие было скрытно размещено вдоль шведского побережья с тем, чтобы в случае необходимости быстро переправить его в Финляндию [5: 74].

Нестабильности внутривнутриполитической ситуации, а вместе с ней и окончательной делигитимизации российской государственности во всех ее проявлениях способствовала сложившаяся в ВКФ атмосфера правового нигилизма. Он проявлялся в повсеместном саботировании губернскими и местными органами самоуправления (городские и сельские общины) верховенства российских законов. Жители княжества также не желали признавать юридическую состоятельность законодательных начинаний и соответствующей практики правительства, направленных на ограничение, а зачастую и полную ликвидацию финляндской автономии (законодательные нововведения 1899–1914 годов). Таким образом, с началом Первой мировой войны самодержавная власть в ВКФ была полностью дискредитирована. Это позволило германской разведке использовать финляндскую территорию для относитель-

но безопасной организации шпионажа против военной и морской безопасности России на ее северо-западе.

Историография германского шпионажа и контрразведывательной борьбы с ним в Финляндии (второе полугодие 1914–1918 год) представлена ограниченным числом научных трудов (большинство имеет лишь касательное отношение к предмету нашего научного интереса). Отметим прежде всего статью петрозаводского ученого И. И. Кяйвяряйнена. Он был в числе первых, кто актуализировал научные проблемы «активизма» (идеология и практика вооруженной борьбы, в том числе с использованием методов террора, против русских чиновников в ВКФ) и «егерского движения» (форма германо-финляндского сотрудничества в противостоянии с царским режимом) [2].

Один из ведущих зарубежных специалистов по истории германо-финляндских отношений Осмо Апунен заложил фундамент научного осмысления деятельности германской разведки в Финляндии [7]. В 60–70-х годах XX века в фокусе пристального внимания финских историков оказалась главным образом проблема «егерского движения». Матти Клинге выдвинул гипотезу о «немецком толчке» «егерского движения», которое было инспирировано Германией. Эту точку зрения в более осторожной форме поддержал и упомянутый нами О. Апунен [5: 22].

В начале 2000-х И. Н. Новикова подготовила серьезный труд, в котором всестороннему и глубокому изучению подверглась проблематика немецкого участия в «политике революционизирования» ВКФ и практике «государственной измены» как формы борьбы финской молодежи за независимость своей родины [5: 54–94]. Впервые в отечественной исторической науке предметом исследования стали так называемые Локштедтские курсы (местечко Локштедт близ Гамбурга, 1915 год) по обучению финляндских добровольцев подрывному делу и методам партизанской войны [5: 91–93, 98–99, 106–115]. Автор, в частности, отмечает, что «38 егерей в течение войны находились в распоряжении немецкого военно-морского штаба» и решали диверсионные и разведывательные задачи «на территории Финляндии, Скандинавии и даже российского Мурман» [5: 112–113]. Публикация А. Л. Кубасова [1] во многом повторяет достижения отмеченных финляндских и отечественных историков по рассматриваемой нами теме.

Обобщить и проанализировать многолетний историографический опыт и привнести новое научное знание удалось Э. П. Лайдинену³, а поз-

же авторскому коллективу – Э. П. Лайдинену и С. Г. Веригину. В первой главе их монографии «Создание специальных служб Финляндии (1914–1919 годы)» с опорой на многочисленные финляндские и российские источники анализируются ранее малознакомые историкам проблемы немецкого и финского шпионажа, контрразведки Департамента полиции в ВКФ [3: 29–53].

В целом, судя по краткому историографическому обзору, содержание рассматриваемой проблемы не является исчерпанным полностью, в том числе ввиду недостаточно широкой источниковой базы (акцент главным образом делается на опубликованные монографии финляндских ученых). Возможно, привлечение к работе немецких авторов и неизвестных архивных материалов (в дополнение к тем из них, которые встретились И. Н. Новиковой в архиве МИД Германии) поможет расширить представление о специфике шпионажа в Финляндии. Наконец, соответствующий потенциал отечественных федеральных и региональных архивохранилищ также использован не в полной мере. И тем не менее если о месте и роли Германии в решении «финляндского вопроса», а также организации и финансировании, росте подрывной деятельности (и некоторых ее результатах) прогермански настроенной финской молодежи сказано почти все, то вопросы постановки немецкой (немецко-шведской) агентуры в ВКФ и реагирования со стороны жандармов и армейской контрразведки рассмотрены не до конца.

Итак, в начале XX века ВКФ являлось российскими «северными воротами». Все возрастающее тайное политическое присутствие Германии (в первую очередь поддержка сепаратизма и революционных настроений в финляндском обществе, «активизма» и «егерского движения») позволяло завладеть «ключами» к ним и попытаться девальвировать русский военный и морской потенциал. К примеру, по состоянию на 1900–1901 годы в него входили: Русский 55-й драгунский Финляндский полк, Лейб-гвардии 3-й стрелковый Финляндский батальон (частично укомплектован «финляндскими уроженцами»), Финляндский лейб-гвардии полк⁴, а также гарнизоны Свеаборгской и Выборгской крепостей. В водах Балтики, Ботнического и Финского заливов несли боевую службу корабли и субмарины Балтийского флота.

В разгар Первой мировой войны ослабление финляндского участка русской обороны могло быть возможным лишь в результате получения исчерпывающих разведывательных сведений о Финляндии.

«ФИНЛЯНДИЯ – ГНЕЗДО ШВЕДСКО-ГЕРМАНСКОГО ШПИОНАЖА»

Раскрывать заявленную нами тему начнем с высказывания начальника контрразведывательного отделения (КРО) штаба главнокомандующего армиями Северного фронта по финляндскому району ротмистра Капли. 25 октября 1915 года он докладывал:

«...я лично имел возможность ознакомиться с финляндскими порядками и пришел к убеждению, что уже с начала войны, а особенно теперь в Финляндии прочно свил себе гнездо *шведско-германский шпионаж* (курсив наш. – В. З.)»⁵.

Допускаем, что начинающий руководитель военной контрразведки и, как следует из личного дела ротмистра Капли, бывший адъютант жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог (до 5 октября 1915 года) имел определенные основания для данного заключения⁶. Однако не преувеличивал ли он степень шведского участия в германском шпионаже? Отвечая на этот вопрос, сделаем краткий экскурс в недавнюю историю разведывательного вмешательства в интересы морской безопасности России со стороны шведской дипломатии. Судя по информации, полученной русской императорской миссией в Стокгольме, к примеру, 20 августа 1910 года «местные военно-морские круги крайне заинтересованы маневрами нашего (Балтийского. – В. З.) флота в нынешнем году»⁷. О серьезности этих намерений свидетельствует тот факт, что уже 6 сентября шесть шведских офицеров прибыли в «Финляндские шхеры для тайного присутствия на предстоящих маневрах». Кадровых разведчиков интересовали «действия подводных лодок в узких фарватерах и способы высадки десанта...»⁸. Впрочем, разведывательные визиты шведских военнослужащих в Россию, как выяснилось, носили систематический характер. Весной 1912 года российский морской атташе в Швеции граф Келлер обеспокоенно докладывал в Моргенштаб о том, что

«ежегодно несколько шведских морских офицеров, говорящих по-русски, посещают Россию. Причем, время посещения совпадает приблизительно со временем наших морских маневров в Балтийском море»⁹.

Но уже с наступлением Первой мировой войны и резким изменением военно-политической конъюнктуры шведское Министерство военно-морских дел прекратило свою незаконную деятельность, связанную со сбором сведений о морских силах России. И поэтому к фразе ротмистра Капли о «шведско-германском шпионаже», а точнее к ее этимологической обоснованности, хочется отнестись с еще большим недоверием.

Контрразведчик не привел доказательств наличия равноправных начал, объединенной стратегии и взаимовыгодного партнерства у разведывательных ведомств Швеции и Германии (эти доводы мы не обнаружили и в других архивных документах). Да и можно ли рассуждать о паритетном характере, если первая из стран по-прежнему была в военном отношении слабой и придерживалась дипломатического нейтралитета, а вторая – имела мощный военно-наступательный арсенал и грандиозные захватнические планы, предусматривавшие абсолютное доминирование в Европе?

Согласимся лишь с тем, что официальная Швеция в форме тайных и опосредованных контактов шла на политические уступки Германии. Подтверждение тому находим в советской историографии немецкого шпионажа в Российской империи (1914–1918). Из вывода И. Никитинского и П. Софинова следует, что Швеция «не возражала» против существования при германском посольстве «самостоятельной шпионской организации» [4: 23]. Сказанное позволяет утверждать, что в военный период Швеция была страной с ограниченными суверенитетом и политической самостоятельностью. Во-первых, шведские власти действительно закрывали глаза на функционирование в немецком посольстве Стокгольма главной в Скандинавии резидентуры. Руководил этим «аналитическим центром» по обработке поступающих разведанных извне глава диппредставительства Хельмут Люциус фон Штоден¹⁰. Именно ему передавалась вся собранная из разных источников (например, от «активистов» и «егерей») разведывательная информация о расквартированных в ВКФ русских военных частях, фортификационных сооружениях, а также курсирующих вдоль финляндского берега или пришвартованных к нему судах Балтийского флота. С этой работой с апреля – мая 1915 года успешно справлялась в том числе «широкая агентурная сеть», созданная стокгольмским «Бюро информации» (финский разведцентр, работавший «под немецким контролем») [3: 42]. Как справедливо отмечают Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин, подготовленные им агенты привлекали к сотрудничеству большое количество финских обывателей из различных кругов общества [3: 45].

Во-вторых, официальный Стокгольм не препятствовал нелегальному передвижению финских добровольцев через Швецию в предместье Гамбурга (для прохождения разведывательно-диверсионных курсов) и обратно в ВКФ. «Не замечали» полицейские органы и созданные в столице для финнов, не прошедших

специальную подготовку в Германии, «двухнедельные курсы, на которых обучали методам ведения разведки» [3: 45].

И, в-третьих, шведское правительство, имея некоторое представление о результатах контрразведывательных усилий Финляндского жандармского управления, не могло не знать о практике использования германской разведкой шведских подданных и шведов, проживавших в ВКФ. Сразу оговоримся, эта категория шпионов была незначительной по количеству и разнородной с точки зрения их принадлежности к делу разведки. Судя по встретившимся нам в архиве так называемым регистрационным листам¹¹, из 10 человек, задержанных жандармами по подозрению в шпионаже (в интервале с 14 июля 1915 года по 4 октября 1916 года), только двое были уроженцами Швеции, а четверо – шведами, имевшими российское подданство¹².

Первый из шведов – Густав Вестесон¹³ (место проживания – Швеция, род занятий – коммивояжер) был задержан 24 сентября 1915 года в Гельсингфорсе по указанию военной цензуры. В тексте перлюстрированного письма на адрес Военного министерства Германии шведский подданный рассматривал «условия перехода в германское подданство и на службу в германскую армию»¹⁴. Содеянное Вестесоном квалифицировалось как противоправное деяние и попадало под признаки преступления, предусмотренного ст. 108¹ (военный шпионаж) Уголовного уложения 1903 года (в ред. 1914 года).

Согласно другому документальному факту, где главными фигурантами были двое подданных России, 5 июня 1915 года на пограничном пункте в г. Николайстаде (Вазаская губерния) был задержан финляндский швед Мауритце Мексмонтане. При попытке выехать в Стокгольм у него была изъята «записка на шведском языке о месте нахождения наших (русских. – В. З.) броненосцев типа “Гангут”, крейсеров “Громобой” и “Диана”»¹⁵. Кроме того, в ходе обыска обнаружены

«клочки записки о политических делах в России... шесть записок о составе и вооружении судов нашей (русской. – В. З.) эскадры, обширная переписка об успехах немцев и прокламация с возбуждением финнов против России...»¹⁶.

Содержание названных материалов давало жандармским властям все основания заподозрить Мексмонтане в профессиональном шпионаже. Полагаем, на это мог указать незаконный способ приобретения вышеперечисленных военных сведений о русских вооруженных силах. Свободный доступ к ним был категорически запрещен текущим военным законодательством

(«Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается...»¹⁷). Кроме того, о профессионально-преступном подходе Мексмонтана свидетельствовало и его намерение тайно вывезти полученные сведения за границу.

7 июня 1915 года на том же пограничном пункте во время досмотра у шведского подданного Юханссона была «обнаружена записка с перечислением наших (русских. – В. З.) броненосцев и крейсеров»¹⁸. В ходе разбирательства студент Гельсингфорсского университета признался в том, что «по поручению Мексмонтана он узнал, какие суда нашей (русской. – В. З.) эскадры находятся на рейде...»¹⁹.

В содержательной части вышеприведенных регистрационных листов находим имена финляндских шведов Лейдениуса и Ранделина, которые в конце августа 1916 года фотографировали окопы русской армии в дер. Этсери Вазаской губернии²⁰. И, наконец, последним из шведов, поставленных на жандармский регистрационный учет, был житель дер. Бьёрке Вазаской губернии (Финляндия) торговец Густавссон. Согласно вскрытому военной цензурой письму, 10 февраля 1916 года он написал в Швецию следующий текст:

«...карту крепости Свеаборг повез от него Гартви-гу другой человек, через Кваркен по Ботническому заливу, и обещал доставить еще дополнительные планы. Здесь же он извещает об усилении русских войск в г. Ваза (Николайстадт)»²¹.

Таким образом, опубликованные источники и неопубликованные архивные документы (по линии контрразведки) действительно подтверждают разные формы косвенного и прямого участия Швеции и шведов в военном и морском шпионаже против русского оборонного потенциала в Финляндии. Однако эпизодичный, неорганизованный, бессистемный и не всегда квалифицированный характер действий шпионов указывал на отсутствие у них какой-либо внутренней упорядоченности, структуры. И вообще, было бы некорректно отождествлять шпионаж шведов с концепцией разведывательного вмешательства Германии в приоритетные интересы России.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ СО ШПИОНАЖЕМ В ВКФ

Как известно, борьба со шпионажем в России военного времени находилась в компетенции МВД (Департамент полиции), Военного и Морского министерств. Их структурные подраз-

деления, и в частности Финляндское жандармское управление, КРО штаба главнокомандующего армиями Северного фронта по финляндскому району и штаба 6-й армии, морские КРО²², были призваны осуществлять комплексное контрразведывательное обеспечение военно-морской обороны Российского государства в ВКФ. Остановимся на кратком рассмотрении результатов работы жандармской и военной контрразведки.

Вскоре после задержаний и арестов (взятие под стражу с помещением в финляндские тюрьмы) вышеупомянутых шведов Густава Вестесона выслали за пределы России «как вредного иностранца», а его соотечественник Юханссон и соплеменники были привлечены к переписке в порядке «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (дата утверждения 18 июня 1892 года). Данная уголовно-правовая мера воздействия была применена и к другим лицам, задержанным финляндскими жандармами за шпионаж в период с 14 июля 1915 года по 4 октября 1916 года: российской подданной польке Герте Шлискевич, российскому подданному латышу Гинцову, российскому подданному финну Герберту Маннсу, российской подданной русской Серафиме Тихоновой (все подозреваемые взяты под стражу)²³.

Резюмируя всю контрразведывательную работу в ВКФ, Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин утверждают, что было «задержано по подозрению в вербовке, шпионаже и саботаже 250 человек» [3: 52]. На основании этого недифференцированного индекса делается вывод о «существенном ударе», который был нанесен активистскому движению [3: 52–53]. Вероятно, эту же позицию разделяют И. М. Соломеш [6: 46, 105] и И. Н. Новикова²⁴, полагая, что «финляндский центр фактически перестал действовать: лидеры оказались либо в эмиграции, либо были арестованы» [3: 53]. Не вступая в заочную дискуссию с признанными специалистами по обсуждаемой научной проблематике (прежде всего Э. П. Лайдиненом²⁵ и С. Г. Веригиным), ввиду отсутствия у нас веских контраргументов, лишь усомнимся в категоричности сделанного ими заключения. Опириуя малоизвестными документами политического розыска и военной контрразведки, обратимся к объективным (и частично субъективным) условиям и факторам, которые препятствовали своевременному и результативному реагированию на немецко-финский шпионаж. Во-первых, на фоне роста революционно-стачечных настроений в Санкт-Петербурге (весна – осень 1905 года) наблюдалась тенденция к частичной радикализации финского населения, пронизанного симбио-

зом противоречивых национал-патриотических (сепаратистских) и революционных идей. Одним из примеров их практического воплощения стала повсеместная ротация финляндских органов административно-полицейской власти, основу которой составили члены незаконной боевой организации «Войма»²⁶.

Спустя почти четыре года после произошедших политических катаклизмов посетивший ВКФ полковник Е. К. Климович вынес приговор ее правоохранительной системе:

«Говоря об охране Русских Государственных интересов в Финляндии, признаем, что на содействие ее полиции, даже в узких рамках, указанных Финляндскими законами, рассчитывать нельзя»²⁷.

2 мая 1912 года этот тезис нашел свое подтверждение в высказывании финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Ф. А. Зейна:

«...финляндские полицейские власти не могут быть признаны настолько надежными, чтобы им можно было поручить выполнение столь важного в государственном отношении дела (борьба с военным шпионажем. — В. З.)»²⁸.

С наступлением мировой войны финляндские полицейские чиновники, уже не единожды разглашавшие служебные сведения о мерах по розыску шпионов, в том числе в местных газетах, начали относиться к выполнению своего профессионального долга по принципу: «Враг России — мой друг!» В результате, как следует из частично упомянутого выше доклада ротмистра Капли, например, гельсингфорсская полиция во главе с Г. Хайкала «способствовала» немецкому шпионажу, а сами шпионы свободно проживали в Гельсингфорсе и некоторых других городах ВКФ²⁹.

Во-вторых, КРО штаба 6-й армии Северного фронта, оперативные интересы которого распространялись и на Финляндию, не имело на ее территории прочных агентурных позиций. Анализ документов под названием «Ведомости насаженных в районе Финляндии агентов-резидентов» за сентябрь, октябрь и ноябрь 1915 года показал наличие интенсивной «текучки агентурных кадров». Так, в очередной ведомости указывались новые агентурные клички или номера, не совпадавшие с аналогичными данными из предшествующих отчетов³⁰. Кроме того, вызывают некоторое недоверие сведения о большой и примерно одинаковой ежемесячной численности вновь набранных агентов (причем наименования городов их проживания в каждой из ведомостей не повторялись). В сентябрьской ведомости указаны 34 секретных сотрудника, в октябрьской — 31, ноябрьской — 27³¹. Вряд ли офицер-агентурист

из штаба армии старший адъютант подполковник (его фамилия в документе не значится, а роспись неразборчива) с такой регулярностью и быстротой мог вербовать агентуру если и не на вражеской стороне, то во враждебно настроенной по отношению к русской армии иноязычной среде. Также не следует недооценивать тот факт, что местное население, сплоченное вокруг идеи самоидентичности и выхода из-под самодержавного гнета, традиционно «ненавидело русских»³². В столь сложных условиях подбирать и приобретать реальную, промотивированную и добросовестную агентуру в масштабе княжества одному офицеру было попросту невозможно — тактически, физически и психологически. Если предложенная автором версия хотя бы частично оправдана, то перед нами пример явной фальсификации.

В-третьих, действовавшая к 1 января 1916 года в финляндском районе контрразведывательная агентура (Нейтральный, Морской, Оссовский, Общественный, Гусь, Листок, Рублевый, Папа, Фролов) ротмистра Капли была не только малочисленной, но и, вероятнее всего, малорезультативной. Так, единственный неоднократно отмеченный в документах контрразведки агент Нейтральный, при всей его профсостоятельности (осведомление о финских новобранцах, рекрутировавшихся в германскую армию, выявление датского шпиона Бленнера Йоганеса и др.), не мог один осуществлять контрразведывательное обслуживание Гельсингфорса, в котором проживала 101 тыс. человек (данные по состоянию на 1902 год)³³. Помимо названных сотрудников были еще пятнадцать агентов, которые привлекались Каплей для наблюдения за революционерами (на военных судах в Гельсингфорсе и в Свеаборгском порту)³⁴, что не могло не сказаться негативно на показателях борьбы «на невидимом фронте».

И, в-четвертых, Финляндское жандармское управление помимо выявления финских и иностранных шпионов занималось приоритетным направлением своей деятельности — обнаружением случаев политического инакомыслия, нехватки которого в ВКФ, как было замечено выше, не ощущалось.

Таким образом, неблагоприятная оперативная обстановка, предательство финляндской полиции, фальшивые сведения об агентах (слабые позиции по контрразведке), отсутствие поддержки большинства финляндского населения, переориентация основных агентурных сил контрразведывательных и розыскных отделений на выявление революционных элементов в своей совокупности заметно осложняли на-

несение «существенного удара» по интересам немецко-финской разведки в ВКФ. Этот вывод соотносится с принятой в отечественной историографии противодействия шпионским угрозам военной безопасности России точкой зрения, согласно которой работа русской контрразведки в ходе Первой мировой войны была признана неэффективной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Германская разведка привлекла к решению своих оперативно-агентурных задач в Финляндии все антирусские силы. И если основная исполнительская роль на «незримом участке войны» была отведена финским добровольцам, и в первую очередь тем из них, кто прошел обучение «шпионскому ремеслу», то шведское участие в военных планах Германии было кратко-

временным, порой инициативным, как правило, непрофессиональным и безрезультатным. Шведские агенты так и не сумели передать немцам оперативно значимую информацию. Жандармская контрразведка в сотрудничестве с органами военной цензуры и жандармско-пограничного контроля, а иногда с опорой на данные, полученные от агентуры, задерживала с личным подозрительных шведов и применяла в отношении их имевшийся инструментарий административно-уголовно-правового воздействия.

В целом органы военной и жандармской контрразведки не представляли истинных масштабов, характера и результатов немецко-финского шпионажа в Финляндии, а потому им было сложно подготовить превентивный и соразмерный по своей силе контрудар. Надеяться на абсолютную победу в соперничестве с германской разведкой было преждевременно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.
- ² Там же.
- ³ Лайдинен Э. П. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России в 1914–1939 гг. (по материалам архивов РК): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2000.
- ⁴ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 35^а. СПб., 1902. С. 345.
- ⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 487. Л. 4.
- ⁶ Там же. Д. 224. Л. 11.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л.Ж (1910). Л. 5.
- ⁸ Там же. Л. 8.
- ⁹ Там же. Д. 38л.Ш (1912). Л. 2.
- ¹⁰ В период между Русско-японской и Первой мировой войной он был первым секретарем посольства Германии в Санкт-Петербурге и занимался агентурной работой по сбору сведений о его военном, морском и военно-промышленном потенциале.
- ¹¹ Точное название типографского бланка: «Регистрационный лист № 1. Сведения о лице, заподозренном в шпионаже».
- ¹² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 1–18.
- ¹³ Здесь и далее шведские имена и названия финляндских населенных пунктов, почерпнутые из «контрразведывательных документов», в данном случае регистрационных листов, приводятся в оригинальной орфографии.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Громов Н. А. Цензура и шпионство по законам военного времени. Пг., 1914. С. 35.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 4.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 16–17.
- ²¹ Там же. Л. 13.
- ²² Морская регистрационная служба Моргенштаба, Оперативная канцелярия штаба командующего Балтийским флотом, а также контрразведывательные пункты: Гангэ-Лапвикский, Николайстадтский, при штабе Свеаборгской крепости, при штабе Або-Аландской укрепленной позиции и КРО Ботнического залива.
- ²³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 1, 10, 11, 18.
- ²⁴ Новикова И. Н. Германия и проблема финляндской независимости (1914–1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 123.
- ²⁵ Эйнар Петрович Лайдинен – известный карельский ученый, кандидат исторических наук, полковник (в запасае) – 1 ноября 2011 года ушел из жизни.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 95. Л. 12.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л.Ш (1912). Л. 6.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 487. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Д. 6. Л. 1–4, 5–8, 9–11.
- ³¹ Для сравнения: ротмистр Капля осенью – зимой 1915 года имел всего девять агентов по линии контрразведки и пятнадцать – по наблюдению за политически неблагонадежной средой.
- ³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267 (1906). Д. 20. Л. 6.

- ³³ Маркс А. Ф. Географический и статистический карманный атлас России. СПб., 1907 (страницы не указаны).
³⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 487. Л. 108.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубасов А. Л. На перепутье: Российская военная контрразведка в Финляндии и на Севере России в 1917 – первой половине 1918 гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 139–144.
2. Кяйвярйянен И. И. О деятельности финских активистов в 1914–1916 гг. // Ученые записки Карело-Финского государственного университета. 1955. Т. 5. Вып. 1. С. 57–66.
3. Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Изд. 2-е, доп. и испр. Петрозаводск, 2013. 295 с.
4. Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. Тбилиси, 1942. 46 с.
5. Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблемы независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. 300 с.
6. Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. 90 с.
7. Арунен О. Suomi keisariillisen Saksan politiikassa 1914–1915. Helsinki, 1968. 293 p.

Поступила в редакцию 27.09.2021; принята к публикации 17.01.2022

Original article

Vadim O. Zverev, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russian Federation)
 zverevoma@mail.ru

GERMAN SPYING AND COUNTER-ESPIONAGE IN THE GRAND DUCHY OF FINLAND (according to military counterintelligence documents)

Abstract. The article addresses some aspects of the organization of German espionage in the Grand Duchy of Finland (1915–1916). The author substantiates the hypothesis about the insignificant role of Sweden in Germany's intelligence plans. The use of unpublished documents from Russian archives enables to further detail and develop the ideas about German-Swedish espionage that already exist in Finnish and Russian historiography. It is concluded that there were a number of factors that hindered the effectiveness of the Northern Front counterintelligence struggle against German agents in Finland. The most serious obstacles included the forced reorganization of the Finnish police (its renewal with radical national cadres), the lack of real intelligence capabilities of the counterintelligence of the 6th Army, the use of most secret officers of the counterintelligence department in the Finnish region for other purposes (to track revolutionary sentiments in the Baltic Fleet). The analysis of these factors led to the conclusion that the military and political special services were unable to foresee and prevent the difficulties that had arisen in the fight against a more experienced and pragmatic enemy, and to inflict an adequate counterstrike.

Keywords: Grand Duchy of Finland, German espionage, Swedish espionage, gendarme police, military counterintelligence

For citation: Zverev, V. O. German spying and counter-espionage in the Grand Duchy of Finland (according to military counterintelligence documents). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):31–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.729

REFERENCES

1. Kubasov, A. L. At a crossroads: Russian military counterintelligence in Finland and northern Russia in 1917 and the first half of 1918. *Bulletin of Military University*. 2009;4(20):139–144. (In Russ.)
2. Kjaivjarjajnen, I. I. Activities of Finnish activists in 1914–1916. *Proceedings of Karelo-Finnish State University*. 1955;5(1):57–66. (In Russ.)
3. Lajdinen, E. P., Verigin, S. G. Finnish intelligence against Soviet Russia: special services of Finland and their intelligence activities in the north-west of Russia (1914–1939). Petrozavodsk, 2013. 295 p. (In Russ.)
4. Nikitinsky, I., Sofinov, P. German espionage in Russia during the War of 1914–1918. Tbilisi, 1942. 46 p. (In Russ.)
5. Novikova, I. N. “Finnish card” in German solitaire: Germany and the problems of Finland's independence during the First World War. St. Petersburg, 2002. 300 p. (In Russ.)
6. Solomeshch, I. M. Finnish tsarist policy during the First World War (1914 – February of 1917). Petrozavodsk, 1992. 90 p. (In Russ.)
7. Aруnen, O. Suomi keisariillisen Saksan politiikassa 1914–1915. Helsinki, 1968. 293 p.

Received: 27 September, 2021; accepted: 17 January, 2022